

Астафьев Виктор Петрович Через повешение astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

С передовой выехали, когда солнце было уже высоко. Низкие частые бугры Западной Украины полыхали маками. В этот год было особенно много красного мака. Может оттого, что поля не перепахивали, не засевали, а может оттого, что была эта земля, каждый бугорок, называвшийся высотой No..., полита кровью многих людей, своих и иноземных, и вот каждая капля взошла красным цветком. Сколько же пролито ее здесь, если красна земля до самого горизонта! В машине пели, свистели. Все солдаты и командиры умытые, прибранные. У каждого подворотничок, отрезанный от новой портянки, пуговицы начищены, медали тоже. У всех праздничное настроение. Как же, интересно. Все они вояки, привычные к тяжелому труду, к передовой, к выстрелам, к той жизни, которой, кажется, и конца не будет, когда было начало? тоже неизвестно. Кажется, давно, давно? целая вечность уже прошла, а они все копают, стреляют, мотают и сматывают провода и едут, едут все ближе и ближе к чужой земле, все дальше и дальше от родной. И вот на тебе. Они? артисты! Смешно! Забавно! С неделю назад приехал чистенький лейтенант, долго разговаривал по телефону с начальником штаба, тот похохатывал, благодушно царапал затылок и говорил: "А их не заберут? Глядите, не губите солдат искусством своим. Ну, ну, беговорились, договорились..." И, бросив трубку телефонисту, приказал вызвать в блиндаж таких-то и таких-то. Среди "таких-то" был и Толя Мазов. К нему к первому и обратился начштаба: ? Вот что, Мазов. В штабе корпуса проводится смотр самодеятельности. Будешь петь. И не романсы свои "Я вас любил, любовь еще быть может..." Это у тебя, конечно, получается под настроение. Хотя, откровенно говоря, харя твоя для романсов неподходяща. Давай что-нибудь такое, ? он покрутил пальцем у потолка блиндажа, ? что-нибудь такое сентиментально-патриотическое. Генералы такое любят. А там генералов будет, что карасей в старом пруду. Словом, рвани эту: "Встретились ребята в лазарете". И погромче, и со слезой. Хотя со слезой ты не особенно, а то еще заберут в какой-нибудь ансамбль. Словом, сдерживай чувства... А вы, орлы, плясать, плясать. И так, чтобы генералы и генеральши, полковники и полковничихи ляжками от восторгу дрыгали. Генерал? он пляску любит пуце сраженья. Ну, с Богом, люди искусства. Остальные инструкции вам даст лейтенантишка тыловой. Он мастак по части инструкций, а я что, ? начштаба развел руками, как бы говоря этим: "А я что, наматерить могу вас? это сколь угодно. Ну, накормить там, жизнь спасти иной раз, иной раз и в морду заеду..." ? и какая-то неловкая, чуть виноватая улыбка появилась на его губах. Наверное оттого, что вот этих солдат он должен куда-то отправить, на какие-то дела, не входящие в его ведение, и они будут неподвластны ему, и вот непривычно как-то это, вроде свои они и вроде уж и не свои. ? Ну топайте, топайте! ? махнул рукой начштаба и уже сердито крикнул вдогонку, как бы напоминая, что, в общем-то, он навечно с ними и чтобы они не забывались: ? Хламиду в порядок привести! Все надраить, побриться и прочее. У меня чтобы никаких этих отклонений! Кто набедокурит, либо напьется... Морду набыю!.. В "цирке" (на кухне, в хоззвезде) к ним присоединились солдаты, сержанты и даже два младших лейтенанта (художественное чтение "жди меня и я вернусь" ? первый младший лейтенант, "Рассказ Шукаря" ? второй) из других подразделений. Интеллигентный, чистенький старший лейтенант с музыкальными тоже чистыми руками, стараясь скрыть смущение и неловкость перед этими "овейными пороховым дымом" людьми, отвел их в клюню, где были расставлены на скорую руку сделанные скамьи и выметен до блеска ток, на котором проросли зерна, и спросил: ? Все, товарищи, здесь? ? Все, ? вразтяжку, с ленцой ответили солдаты. Лейтенанты сидели в отдельности на передней скамье, к ним в середину затесался вертлявый старший сержант с бачками ? парикмахер из штаба бригады, придурок и ловкач, еврей по национальности и по фамилии. ? Так вот, товарищи, ? не зная, куда девать свои белые руки, начал старший лейтенант и чуть виновато улыбнулся, ? штаб нашего корпуса решил создать ансамбль песни и пляски, ? он улыбнулся уже более уверенно, поднял глаза, очень красиво обвешанные нежненькими ресницами. ? Пришла пора побед. Мы далеко ушли от центров и наших крупных городов. Концертные группы и армейские ансамбли у нас немногочисленны и отстали далеко, а как поется, "после боя сердце просит музыки вдвойне", и вот нужно нам создать свой подвижной ансамбль. Корпус наш большой и... не бедный, я имею в виду и кассу, и таланты людей, ? он уже несколько фамильярно подмигнул, но внимательно и настороженно слушавшие его люди не поддержали улыбками ответными этот выпрыг, и он смутился и быстро закончил, ? сейчас для начала, для общего знакомства я просмотрю и прослушаю то, что вы исполните, потом мы посмотрим фильм "Радуга", а завтра начнем репетиции и через три дня поедем на смотр в районное село. Вот все. Вопросы будут? Солдаты напряженно помалкивали. ? Курить можно? ? Пожалуйста, пожалуйста! К соломенному верху клюни густо поплыл дым. С задней скамейки поднялся Ванеев, и, покашляв, а потом смяв

Астафьев Виктор Петрович Через повешение astafevvictor.ru сигарку о скамью, сказал: ? Поскольку нам вместе... ? он замялся, видимо, хотел сказать "вместе воевать", другие слова не вдруг нашлись, и он вывернулся. ? поскольку того... мы бы хотели, ? он обвел жестом сеятеля сидящих впереди, познакомиться, что ли. Узнать, как вас зовут и кто вы такие? Старший лейтенант запыхал ярче мака, вскочил, одернул гимнастерку; ? Прошу прощения, товарищи. ? И тут он совсем уж виновато улыбнулся. Зовут меня Алексей Леонидович, фамилия моя простая и совсем не музыкальная, Малафеев, ? по клуне прокатился сдержанный смехок и старший лейтенант уже бодро, со скрытой грустью закончил. ? я был студентом консерватории, по классу фортепиано (это пианино, "пианино", ? слышались там и сям разъяснительные шепоты), с третьего курса ушел на фронт. Хотел на передовую, в штабе корпуса задержали... Да... почему-то задержали... ? и правильно сделали. ? сказал заряжающий Круцов. ? У нас вон Федька Фомин какой баянист был и погиб. Его бы побережь, как талант, а его на батарее. Таких людей, как вы, надо беречь, ведь вон даже дичь всякую редкую, коосулю там, кабаргу, птицу иную, обратно, под запретом держат, не велят стрелять... ? Га-а! ? взорвалась клуня! Старший лейтенант, пряча улыбку, спросил: ? Как ваша фамилия, товарищ? ? Круцов, ? пробубнил тот и прикрикнул на солдат, ? чего ржете? Истинно говорю. Попробуй теперь Федьку возверни, а баяниста после ни одного не попадалось. Редкие они люди ? музыканты. Бережь надо... ? Простите, пожалуйста, что я вас прервал, ? обратился к Круцову старший лейтенант. ? Вы с каким номером посланы? ? Номером? я второй номер при орудьи. ? Нет, я вас не об этом, простите... ? А-а с номером, значит, сюда с каким номером? ? обрадовался Круцов, Да, как вам сказать. Никакого номера у меня нету. Просто пою я иной раз наши деревенские песни, а командир батареи очень их слушать любит, земляк он мой и говорит: "Поезжай, Круцов, вбей их в слезу всех тоскою своею по русской земле", вот с этой тоской и приехал. Зря, наверное?... Ее и так много, тоски-то, кругом. Это все комбат. ? Может, вы споете для начала? ? Что ж, можно. Только я по-нашему, по-деревенски. И Федьки нет. Он хорошо подыгрывал. Подмогал. Не мешал. Не лезет, а как-то вроде бы подюлаживает... ? Ваше имя, отчество, вы не сказали? ? Круцов Алексей Ксенофонтыч. ? Значит, тезки, ? улыбнулся ему старший лейтенант. ? Ну что ж, попробуем. Я попытаюсь вам подюлаживать. Старший лейтенант вынул из-за молотилки аккордеон, новый, трофейный, и поставил его на колени. Круцов боязливо покосился на аккордеон. ? Пожалуйста, начинайте. Я уж потом вступлю, а может, и не стану вступать. Круцов потоптался, глянул в землю, где прорастали прошлогодние зерна хильми стеблями, белыми снизу и зеленеющими на острие, и не запел, а сказал задумчиво, устало: ? Ясным ли днем, Иди ночью угрюмо, Все об тебе я мечтаю и думаю. Кто-то тебя приголубит, Кто-то тебя приласкает. Милой своей назовет... Старший лейтенант даже вздрогнул ? Круцов запел знаменитый романс. Этот романс Малафееву приходилось слышать в исполнении самого Пирогова, но это было лишь поначалу, потом Пирогов забылся. Круцов пел на свой манер и не романс, а песню. Мелодия была совсем другая, протяжная, вся ровно бы на одной струне, и слова потонули в ней улавливалось лишь глубокое раздумье и неизмеримая мужицкая тоска, такая тоска, какой могут болеть только русские мужики, вскормленные скудной и необозримой русской землей, тоска, рожденная под бесконечную песню зимы, под шум ветел за окном, под скрип полозьев в извозе, под шорох ветра в трубе, под скырканье оцепы над люлькой ? тоска по чему-то далекому, впитанному с молоком матери, матери и бабушки которых тоже впитывали ее вместе с молоком. Извечная русская тоска, где твое начало? Где твой конец? Тоска, родившая такие задумчивые, такие добрые души. Тоска, порой взрывающаяся диким плясом, буйством. Тоска, на дне которой таится извечный, ровно бы и мохом поросший гнев. Горе тому, кто залезет пальцем в такую душу и поднимет в ней муть. Русская душа, так ты глубока, так ты бесконечна, есть где уместиться там такой вот огромной, такой великой тоске, из которой рождается все ? и любовь, и страдание, и доброта, и гнев, и шаловливость, и буйство, и удаль, и скромность. Великая душа! Старший лейтенант так и не дотронулся до аккордеона, не решился. И когда Круцов кончил петь и, очнувшись, растерянно посмотрел на молчаливых погрустневших солдат, потом с любопытством на Малафеева, тот вскинулся, уронил перламутровый аккордеон, с нерусской, золоченой надписью, на землю и потряс большую, землистую руку Круцова: ? Благодарю, благодарю Алексей Ксенофонтович. Поедете, непременно поедете на смотр, ? Круцов смутился, солдаты захопали, и он, вовсе смутившись, взял и поклонился им. После этого парикмахер выперся. И какие только номера он ни дельвал, чтобы попасть в ансамбль: играл на ложках, на губной гармошке и даже на расческе, заложив в нее бумагу. ? Та-ла-а-ант! ? орали солдаты, иные искренно, другие с издевкой. Старший лейтенант морщился, и когда активист этот вызвался еще сыграть на горьком обрывке лука, Малафеев торопливо сказал: ? Хорошо, хорошо ? поедете. Парикмахер с радости тут же изжевал луковую дудочку и не поморщился, умел парень закусывать. Толя спел "Встретились ребята в лазарете". Ему хотелось спеть

Астафьев Виктор Петрович Через повешение astafevvictor.ru другую, например, "Вдоль по улице метелица метет", но раз начштаба велел про лазарет, он слезаться не решился. ? У вас чистый голос, но вы напрасно его форсируете местами, то есть повышаете. Больше раздумья, больше душевности и, глядишь, удастся сгладить, в общем-то, не очень оригинальный текст, глядишь, и получится. Может, вы еще что-нибудь знаете? ? Знаю, конечно. Но едва ли подходяще будет. ? Ничего, ничего, давайте и неподходящее. Мы уж тут сообща разберемся, что подходящее, а что нет. О прошлом тоскуя, Вдруг вспомнил о вашей весне, ? О-о, как люблю вас, ? в то утро сказали вы мне. Малафеев полузакрыв глаза. Что он видел за изгородью ресниц, Толя не знал, а сам он увидел заснеженную улицу, полусорванную рекламу на деревянном магазине и одинокого парнишку, глядящего в огромные глаза человека со скрипкой, который подарил ему столько радостей и надежд, который растрогал что-то с родства дремавшее в нем. Далекая, грустная и сладкая сказка, как ты жива и прекрасна! ? Вот это да-а, ? заговорили солдаты, когда Толя кончил петь, ? и не знаешь, что рядом такие таланты! Поет, ровно думает. ? Только вот, говорят, эту музыку немец сочинил. Можно ли? ? Не немец, а австриец, ? поправил Малафеев, ? и не в этом дело. Бетховен тоже был немец, Гете, Шиллер, Гейне тоже немцы ? не путайте их с этими вырожденками, с противником вашим. А эту вещь вы поете по-своему, обратился он к Толе, ? очень по-своему. Тут, пожалуй, больше вашего, чем Штрауса... ? Это хорошо или плохо? ? Это очень хорошо. Попробуйте и ту песню по-своему петь, без барабанной трескотни. Я вас с двумя этими вещами и включу. Сначала споете патриотическую, ? он смущенно улыбнулся, ? а потом уж вальс. ? Добро. Чем дальше шли просмотр и прослушивание, тем больше и громче дивились вояки талантливости людей, живших обок. Малафеев отобрал человек двадцать. Вечером смотрели "Радугу", и война, забытая на часы, снова вошла в них, и солдаты посумрачнели. Страшную войну показывали с экрана, даже страшной той, которую довелось видеть этим солдатам. Они могли ее видеть лишь вокруг себя, очень ограниченно, и что делалось дальше окопа, траншеи, цели ? не знали, а тут показывали новых "хозяев за работой", там в тылу, который они быстро прошли, проехали и лишь по рассказам, да по слезам людей узнавали истинный смысл войны. Примолкли солдаты. Некоторые стали проситься обратно на передовую, до искусства ли? Малафеев подрастерялся. Больше кинокартин солдатам не показывали. А через три дня они поехали в районное село, чистые, прибранные, уже хорошо спевшиеся, знающие друг друга по именам и даже успевшие завязать дружбу. лейтенантики и те не чинились, позволяли себя называть по имени. Искусство стирало ранги и различия, кто был ничем, то мог здесь стать всем, в зависимости от щедрот матери-природы. Иной солдат мог спеть или сплясать лучше много лейтенанта и даже генерала, и ничего тут не поделаешь. Таланты ? не звездочки и не кубари ? их выдают не на комиссии военной, а по каким-то неизвестным и неведомым законам. * * * Генералов было не так уж и много. Всего два. Они сидели на передней скамье, в самом центре, вокруг них, точнее по бокам и сзади, выводком сидели полковники, подполковники, майоры, капитаны, лейтенанты, а дальше уж разный люд, вперемешку. Все было, как всегда ? люди, не сговариваясь, распределялись по чинам ? впереди начальники, сзади подчиненные, ибо сейчас они сидели спиной к фронту, стоило повернуться лицом, и снова все оставалось бы на старом месте ? подчиненные были бы передними, начальники задними. Все было, как всегда: нравился номер генералам ? нравился он всем, Хлопали генералы буйно, так же буйно хлопали и все, и участь выступающего была решена, напротив его фамилии ставили птичку, если генерал выдавал жидкий аплодисмент ? супротив фамилии ставился крест. Концерт шел длинным, довольно нервным и неровным чередом. Талантливые парни выступали вперемежку с обыкновенными плясунами и чтецами. Завсегдатаи в прошлом разных самодеяльностей из кожи лезли, чтобы показать "товар лицом", и, танцуя или декламируя, пытались утопать с передовой в тыл, потому что война идет к концу и побережться надо. Малафеев вел свой список и не терял надежды повлиять собственным авторитетом на генеральские оценки, потому что в результате генеральского пристрастия будущий ансамбль мог состоять из одних только плясунов, а туда требовались певцы, музыканты, фокусники, чтецы и даже иллюзионисты, и таковые были. Были даже жонглеры, акробаты и гипнотизер один попался, потертый, сумрачный ефрейтор с оловянными глазами без зрачков. Выступали по частям. Отпоется и отпляшется один полк или бригада, за нею следующая. Командиры частей сидели здесь же, подначивали своих соседей, если выступающие у тех мямлили и теряли боевой дух на сцене, обещали, что вот "мои дадут". Иные полковники от переживаний бегали часто "курить", на самом же деле они пробирались в алтарь, то есть "за кулисы", потому что выступали в старой церкви, здесь "подбадривали" своих, говоря им разные слова хорошие и худые, даже показывали кулаки. "У меня, чтобы на высоте было!" Нагнавши холоду на "артистов", они уходили, "артисты" же, и без того пребывающие в большом трепете, выходили на амвон ни живы, ни мертвы, проклиная и себя, и свои "таланты", думая

Астафьев Виктор Петрович Через повешение astafevvictor.ru о том, как они спокойно жили на передовой, воевали, никому не мешали и на вот тебе, дождался напасти. Один солдат с перепугу заплел "Вы жертвою пали", вместо "Черные ресницы, черные глаза". Хохот. Другой начал читать отрывок из "Василия Теркина", сбился, долго думал и закончил его стихотворением "Пронеслись утки с шумом и скрылись". Подполковник ? командир истребительного полка той самой части, откуда были эти "артисты", схватился за голову и бежал из зала. Генералы сначала морщились, потом хохотали, трясся лампасами и показывая вставные блестящие зубы. Полковник Дедов ? мужик хитрый. Он сидел спокойно и ждал, когда выпустят его "орлов". Это он подсмотрел в штабе корпуса старшего лейтенанта Малафеева и заманил его в свою часть одним только обещанием, что в его бригаде талантов, хоть пруд пруди. Дедов уже привык быть в корпусе всюду на виду, всюду первым и не хотел даже в искусстве ударить в грязь лицом. Он-то знал, что Малафеев всякую шушваль, которая умеет только рот открывать или ноги переставлять, не возьмет, отберет истинные таланты. Правда, Дедов был поражен тем, что среди выступающих оказался парикмахер и выразил по этому поводу неудовольствие. Малафеев смутился и ответил: "Вы знаете, настойчивый он, никак не мог отказать, да и нужен будет парикмахер в ансамбле". На это полковник Дедов сказал: "Ладно, берите, не жалко, меньше одним бездельником в части будет. Только пусть выступает последним". До обеденного перерыва из бригады успел выступить только один Круцов. Его Малафеев пустил вперед и, надо сказать, не ошибся. После чечеток, акробатических упражнений, множества куплетов и стихов песня Крупова, раздумчивая, исполненная густым, хотя и неотесанным, но сильным баритоном, про который можно сказать, что расходуется его всего килограмм, а пуд остается в запасе, произвела сильное впечатление. Генералы пригорюнились, полковники тоже. В церкви сделалось тихо-тихо. Кончил петь Круцов, без всякого видимого волнения поклонился и ушел. Он знал цену и себе, и своему голосу, потому и не дрожал. Вдруг грянули обвалом большие аплодисменты. И, кроме того, один из генералов сказал адъютанту: "Этого обязательно в ансамбль, обязательно. Талант! Русский талант! Шаляпин может получиться". На сцену выскочил штабной, начищенный, под бокс стриженный лейтенантик и звонким голосом объявил: ? Прошу внимания, товарищи! Сейчас мы все дружно выйдем на площадь, где состоится приведение в исполнение приговора военного трибунала изменнику Родины. Затем будет обед и после обеда продолжим наш концерт. Старших групп прошу подойти ко мне!.. Народ повалил в широкий церковный выход. На маленькой площади, которую сплошь окружали огородные прясла, тыны с садами, сразу стало тесно. Цивильные потеснились с площади, ребятишки полезли на яблони, груши и заборы. Один забор с треском обрушился, где-то заплакала девочка и испуганно смолкла. Напирая на людей радиатором, на площадь въехал необшарпанный, новенький "ЗИС". Он развернулся и стал пятиться к старой яблоне. У яблони были обрублены все сучья и верхушка, и только один сук, как протянутая рука, простирался над площадью. Стало тихо. Лишь машина, профыркивая, пятилась к яблоне, под простертый толстый сук. Толя понял, что это и есть виселица. В кузове машины торчало несколько голов, и, когда машина остановилась, оттуда выскочили два солдата и открыли задний борт. По книгам Толя знал, что сейчас должен появиться палач, привязать преступнику петлю, и тогда начнется чтение приговора. Он ожидал этого палача, волосатого, угрюмого, с низким тупым лбом и, может быть, даже в каком-нибудь красном кафтане или другой какой отличительной одежде. Но веревку к яблоне стал привязывать паренек лет восемнадцати, с белым, пластмассовым подворотничком, тогда еще очень редкой вещью, с комсомольским значком и знаком "БГТО" на чистой, еще ни разу не стиральной гимнастерке. "Вот сейчас этот привяжет веревку, и появится настоящий палач", ? думал Толя, но солдат кончил свое дело и протянул кому-то руку. Из-за кабины поднялся низенький человек в телогрейке и ватных брюках, старых, залатанных на зад и коленях. Солдат деловито поставил его под яблоню, прямо в кузове, сбросил с него старомодную, суконную фуражку, и не в машину, а на землю, и так сбросил, чтобы было ясно, что фуражка эта человеку больше не потребуется. Под фуражкой оказалась неровно и недавно остриженная голова, на которой уже угадывалась пролысина. Солдат попытался натянуть на эту голову петлю, но петля оказалась короткой. Тогда солдат наклонился к шоферу и что-то заговорил. Шофер подал ему пеструю немецкую канистру. Солдат чуть отодвинул человека в ватных штанах в сторону, положил канистру плашмя и приказал жестом взобраться преступнику на нее. Тот послушно встал на канистру, зашатался и чуть не упал. Солдат, поддерживая его одной рукой, другою быстро надел петлю на шею человека, подправил ее, как бантик, узлом назад, деловито оглядел свою работу и, прыгнув на землю, отошел в сторону. Возле кузова неподвижно стояли два автоматчика. В кабине шофер смолчил махорку. На крыло машины встал майор с непривычно-узкими погонами и начал читать приговор. Читал он долго. Толя плохо слышал его. Он не отрывал глаз от того, кто стоял с петлей на шее. Человек был бледен и жалок, и все на нем было жалкое. Старые ватные брюки и телогрейка, под

Астафьев Виктор Петрович Через повешение astafevvictor.ru которой виднелась бязевая, давно не стиранная, казенная рубаха. И ботинки солдатские без шнурков, надетые на босу ногу, и ватные брюки, побелевшие на выпуклостях и темные во швах без подвязок, и картуз, валяющийся возле машины, который никто не поднимал. Но больше всего поражало Толю лицо человека. Иссиня-бледное, даже серое, на котором, казалось, быстро, быстро успевала прорасти колючая щетина, почти фиолетовые губы растерянно и беспомощно полуоткрытые, и щеки с продольными, резко обозначившимися морщинами, словно бы человек худел на глазах. И глаза. Обыкновенные глаза, цвет которых трудно было угадать. Зрачки их расширились и остановились. Выгоревшие ресницы вдруг начинали мигать часто, часто и затем внезапно замирали, но глаза оставались недвижными, и в этих глазах, в самой глубине, за покорным испугом Толя вдруг обнаружил надежду. Да, да надежду. На что? Наверное, на чудо! Наверное, как и всякому смертному, казалось приговоренному, что все происходит невзавраду, что еще случится, сейчас вот, сей миг, что-то такое, что все происходящее разом оборвется, как сон. Толя не смог больше смотреть в эти глаза и отвел свой взгляд. До слуха его донеслось; "Предал группу выходящих из окружения красноармейцев... Выдавал партизан... Доносил на жителей, сочувствующих... Был тайным агентом гестапо... Всего по его доносам погибло 47 человек красноармейцев, партизан и мирного населения..." "Полно! Что же это такое? Не мог он, не мог этого сделать!" ? билось в голове у Толи. ? Вот гад! ? раздалось сбоку. ? Ще який гад-то, ? злобно поддержали реплику из толпы цивильные, ? ще який гад-то. Жизни од него нэ було. А Толя смотрел теперь уже на руки преступника. Руки в жилах, с туповатыми, обкуреными пальцами. Один ноготь был черен до половины, должно быть, от недавнего ушиба. Кости рук сильно развиты, пальцы узловаты. Руки труженика! Этот человек родился для труда, не для войны. И не будь бы ее, он никогда бы не сделал никакого преступления и умер бы обыкновенным селянином, сеятелем и пахарем, и не знал бы он и семья его не знала, да и односельчане никогда бы не узнали, что он слаб духом, что дрогнет в нем сердце и поведет его неведомо куда, ради спасения собственной шкуры, и приведет к петле. Странно. Чем больше перечислялось преступлений этого человека, тем упорней Толя искал ему оправдания и, более того, сам начинал верить в чудо, что чего-нибудь случится и человека поугаюют, поугаюют, и не повесят. "Вон Достоевского тоже хотели повесить..." Он был уверен, что повесят, повесят, но старался поколебать в себе эту уверенность. Он глянул на Круцова, стоявшего рядом. Тот опустил глаза и был бледен. Он поглядел вперед, назад, вправо, влево. Везде были бледные насупленные лица, и по этим лицам Толя угадывал, что того паренька со значками эти люди сейчас ненавидят и презирают больше, чем человека с петлей на шее. Эти люди привыкли к бою, к войне. Они знают, что такое смерть в бою, когда дело идет, так сказать, на равную, или ты его, или он тебя. Но тут... Нет, никогда человек не примирится с насильственной смертью. Тем более нынешний человек. Если бы еще расстреляли этого, в брюках, куда ни шло, но завязать петлю, на дереве, как в старом столетии. Нет, нет, нет! И что это такое? Все течет, все изменяется, а умертвляют человека все по-старому, все по-старому, и даже в приговоре формулировка осталась косноязычная, дошедшая до нас, может, от времен инквизиции. Не повесить, не удушить, не задавить, а "привести приговор в исполнение через повешение". "Через повешение!" ? лучше ничего не могли придумать за тысячу лет. И чуда никакого не свершится. Сейчас этого человека повесят. Но почему же ничего не придумали? Ты не прав, Мазов! Да, веревка та же, пеньковая, шея та же, человеческая, да, чувства у него те же, да, приговор пишется все так же, как и сто и двести лет назад. А машина? А канистра? А вместо палача комсомолец? Не-эт, многое переменялось, усовершенствовалось, достигло необыкновенной простоты и "высокой" морали, и человека повесят с машины ради быстроты дела. Но если бы машины были раньше, люди, глядишь, тоже догадались бы вешать с них людей. Дело нехитрое. Кончено чтение приговора. Он обжалованию не подлежит. Минутное замешательство. Еще минута надежды у преступника, у шофера, у автоматчиков, у всех стоящих на площади и даже у майора, читавшего приговор. Проходит эта минута, и ничего не случается. От кустов отделяется паренек с комсомольским значком и, ровно бы угадывая, что дальше ждать нельзя, что все достигло наивысшего напряжения и что может что-нибудь в самом деле случиться, он что-то торопливо говорит шоферу и показывает рукой двигать машину. Тот согласно кивает головой. Лицо его бледно и несчастно. Шофер грубой рукой сталкивает паренька-палача с подножки, как бы даже смахивает его, делает последнюю глубокую затяжку, выкидывает окурки в окно кабины, кладет руку на рычаг скорости и еще секунду медлит, поднимает глаза, и обводит ими лица на площади, и глаза его кричат: "Что же это, братцы? Что же вы молчите? Бра-а-атцы!" Рука его делает привычный поворот, он включает первую скорость. Но он еще не отпустил ногою ту педаль, которая выпускает скрытую силу в цилиндры машины, после чего машине оживет, двинется, и человека не станет. Он еще дарит человеку секунды жизни. Он

Астафьев Виктор Петрович Через повешение astafevvictor.ru не решается его умертвить. Смотри, человек, смотри! Смотри на эту землю, из которой ты вышел. Прощайся с нею. Обведи ее последним взглядом постылую. Что она принесла тебе? Что она дала тебе? Горсть радости и короб горести. И зачем она тебе? Зачем? Чтобы жить дальше, чтобы мучиться еще и еще, чтобы копаться в ней, в этой земле, добывая из навоза и грязи пропитанье. Ведь все равно поздно или рано уйдешь ты туда, откуда пришел. Не жалея ее! Плюнь на нее! Радуйся! Может быть, еще будут такие времена, когда живые позавидуют тебе. Почему ты об этом не думаешь, человек? Почему тебе видятся лишь весенние сады и нежно поющие голоса птиц? Почему ты слышишь запахи лугов и пашен, цветущей вишни и мальвы яркой, речки и пруда в разливах вечерней зари? Почему ты уносишь с собою только хорошее, оставляя, как отраву, худое людям? Нам? Человек, прощай! Шофер осторожно начал отпускать педаль. Машина медленно, почти незаметно, двинулась вперед. Петля на шее человека стала натягиваться. Он схватился за нее руками, попытался раздернуть веревку, порвать, но канистра стала уползать из-под ног, и смертник принялся цепляться за эту канистру ногами, нащупывая ее, подвигая ботинком под другой ботинок, он как бы бежал за канистрой, за машиной, он почти упал на грудь. Веревка натянулась, яблоня напряглась, задрожала и вдруг, спружинив, может, и шофер рванул машину, яблоня сдернула человека с кузова, и он ошутимо-грузно упал ногами вниз, сук услужливо согнулся, но ноги человека все равно не достали до земли, и он закачался влево-вправо, вправо-влево, рот его растягивало судорогой, из разверстого зева вырвался хрип, руки, хватавшиеся за веревку, обессиленно опали, сверху скатились вниз два-три яблока, ударяясь о повешенного, и скрикоштели к ногам зевак. ? Мамо! Мамо! ? заплакал где-то ребенок. Работники трибунала, палач и стрелки, исполнившие роковое дело, воровато и напуганно вскочили в кузов, машина рванула прочь от площади. Солдаты тоже стали расходиться в угрюмом молчании. И лишь пожилая женщина да еще несколько селян остались на площади, не в силах одолеть отвратительного любопытства и жути. Женщина, пьяно качаясь, подошла к повешенному, обняла его за ноги, остановила раскачивание и приникла щекой к грязной ноге, с которой спал ботинок. Дрожь все сотрясала повешенного, и сперва шепотом, затем выкашливая слова, женщина запричитала: ? О-ой, сыне мой, сыне! Обедать Толя не смог. Пролежал в саду, уткнувшись лицом в траву. После обеда его первым выпустили петь. После проигрыша баяниста он наконец услышал свой голос: Встретились ребята в лазарете, койки рядом, но привстать нельзя, Оба молодые, оба Пети, Оба неразлучные друзья... И такой пошлой, такой никчемной и мерзкой показалась ему эта песня, и этот концерт, и эти генералы, как ни в чем не бывало сидящие в переднем ряду, что, где-то на самом патетическом месте, он махнул рукой и ушел со сцены. Баян квакнул и замолк. Опустили занавес. Малафеев поставил баян на табуретке и со вздохом сказал: ? Да-а, петь после такой процедуры... Я понимаю вас. Вы сходите, погуляйте, успокойтесь, а пока я выпущу танцоров... Он был симпатичный, этот старший лейтенант Малафеев, но тоже сделавшийся жалким и виноватым в чем-то. С крыльца церкви Толя глянул на виселицу. Подле нее еще толпились несколько любопытных, на обочине дороги лицом в траву среди опавших яблок, листьев, на обрубленных сучках, скомкав в горстки платок, лежала женщина и уже не голосила, не шевелилась, ее тоже была крупная дрожь. А повешенный дрожал уже мелко, мелко. Из рта у него вывалился синий язык, ровно бы он дразнил зевак, и серые поношенные брюки в промежье потемнели. Повешенный обмочился. Говорят, это случается со всеми повешенными. Толя ушел из села, на проезжую дорогу, ждать попутную машину. Там его настиг Круцов. Они закурили и молча пошли по направлению к передовой. Кругом трещали кузнечики, полыхали маки, в садах шумели пчелы, в небе заливался жаворонок, из старой церкви вдогонку неслись переливы баяна. В мире ничего не изменилось. 1968

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!